

Научная статья

УДК 342.59

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87>

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Виталий Данусович Саттаров

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125

sattarov_@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется тенденция усиления государственного контроля в информационном пространстве. Автор характеризует основные проявления этой тенденции и связанные с ними особенности. Одним из итогов указанного анализа стало формирование выводов о специфике контроля государства над обществом, в том числе отдельно отмечено фактическое сосредоточение усилий на контроле любых форм коммуникаций в интернет-пространстве. В статье особое внимание уделяется исследованию проблем, возникающих в ходе осуществления органами публичной власти усилий, направленных на управление активностью субъектов правоотношений в «цифровом мире». При написании настоящей статьи автором была применена совокупность методов научного познания, которая объединила формально-юридический метод и общенаучные методы (индукция и дедукция, анализ и синтез, приемы формальной логики). Результаты работы нашли свое выражение в разработке авторской оценки тенденции, в том числе внедренного в правовое пространство России запрета на поиск экстремистских материалов.

Ключевые слова: государственный контроль; информационное пространство; цифровая демократия; поиск экстремистских материалов; права человека.

Для цитирования: *Саттаров В. Д.* Государственный контроль в информационном пространстве: юридический анализ // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 77–87. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87>

Research Article

THE STATE CONTROL IN THE INFORMATION SPACE: A LEGAL ANALYSIS

Vitaly D. Sattarov

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 125 Karpinskii St.,
Perm, 614012, Russia
sattarov_@mail.ru

Abstract

This article contains an analysis of the trend towards strengthening state control in the information space. The author characterizes the main manifestations of this trend and the features associated with them. The results of the analysis were expressed in general conclusions regarding the specifics of state control over society. One of features is that the state is actually focusing its efforts on controlling all forms of communication in the Internet space. The article includes a study of the problems that arise in the course of public authorities' efforts aimed at managing the activities of subjects in the "digital world". The author used a combination of methods of scientific knowledge, combining the formal legal method and general scientific methods (induction and deduction, analysis and synthesis, techniques of formal logic). The results of the work were expressed in the author's assessment of this trend, including the ban on searching for extremist materials introduced into the legal space of Russia.

Keywords: state control; information space; digital democracy; search for extremist materials; human rights.

For citation: *Sattarov V. D. The State Control in the Information Space: A Legal Analysis. Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 77–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87>

Введение

Обеспечение законности и правопорядка в обществе закономерно является одной из важнейших функций любого государства, оправдывающей потребность в его существовании. В отсутствие регулирующего влияния со стороны органов публичной власти социум стремительно вернется в состояние хаоса, при котором каждый будет преследовать личные интересы в ущерб иным субъектам. Теории, в которых утверждалась возможность саморегуляции общества без воздействия правоохранительных структур (в том числе идеи коммунизма или анархизма), на

протяжении XX в. продемонстрировали несостоятельность и в большинстве случаев оказались отвергнуты либо подверглись переосмыслению.

В указанных условиях бесспорно, что государство в целях предотвращения и пресечения потенциально возможных правонарушений должно реализовывать контроль за участниками общественной коммуникации. При этом важно, чтобы данный контроль, сохраняя свою результативность, производился законными методами, не допускал необоснованного вторжения в сферу частных интересов, с уважением относился к стремлению граждан к сохранению в тайне некоторой информации, относящейся к их жизни или профессиональной деятельности.

В актуальной реальности осуществление контроля со стороны государства становится более сложным ввиду общего усложнения жизни и правоотношений членов социума. Так, любому гражданину сегодня доступно совершение таких операций, которые еще несколько десятилетий назад казались невозможными. К примеру, открыть счет в банке, совершить покупку, заказать услугу, вступить во взаимодействие с субъектом, который находится на значительном удалении (даже в ином государстве), представляется возможным без выхода из дома. Описываемые обстоятельства определяют постановку перед государством (в лице его органов и должностных лиц) совершенно новых вызовов, требующих адекватных ответов, соответствующих объективно существующей юридической и общественной действительности.

В настоящей работе предпринимается попытка исследовать тенденцию усиления государственного контроля в информационном пространстве, которая является закономерным следствием вышеуказанных вызовов. В числе прочего подвергнуты анализу конкретные проявления тенденции, связанные с ней общие особенности и проблемы, предложены варианты ее потенциальной коррекции, направленные на обеспечение эффективной контрольной деятельности органов публичной власти, а равно способствующие созданию дополнительных гарантий надлежащего пресечения и предупреждения фактов нарушений прав и свобод субъектов правоотношений.

Следует отметить, что в юридической литературе тематика осуществления государственного контроля в информационном пространстве охарактеризована недостаточно. Отдельные аспекты заявленной проблемной области становились предметом анализа в работах Н. И. Чернобровкиной [1], В. П. Иванского, Г. В. Мельничука [2] и ряда других авторов, но ранее комплексно не раскрывались.

С учетом того, что нормативное правовое регулирование в рассматриваемой области находится в состоянии стремительного развития, выражающегося в том, что практически ежегодно принимаются новые либо изменяются действующие нормы, регулирующие информационное пространство, изучение и анализ темы работы представляется актуальным направлением исследований.

Данный вывод также может найти подтверждение в высокой общественной опасности правонарушений и преступлений, связанных со сферой информации, информационных правоотношений, которые в силу присущих им особенностей способны причинить значительный ущерб безопасности государства и отдельной личности.

В исследовании нашла применение системная совокупность специальных и общенаучных методов научного познания, в том числе формально-юридический метод и общенаучные методы, такие как анализ и синтез, дедукция и индукция, приемы формальной логики и иные.

Формально-юридический метод является базовым для настоящей работы и дает возможность провести всесторонний анализ нормативных правовых актов, получить выводы относительно их преимуществ и недостатков, предложить собственные рекомендации в части улучшения действующего законодательства.

Общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, равно как и приемы формальной логики, использованы на всех этапах подготовки работы, позволяют сформировать логичное, непротиворечивое авторское представление об истинной проблематике.

Сочетание вышеперечисленных методов представляется достаточным для разработки обоснованных выводов по существу рассматриваемой темы.

1. Проявления и доказательства наличия тенденции усиления государственного контроля в информационном пространстве

Развитие государства в современных условиях тесно связано с попытками усилить контроль за всеми сферами жизни членов социума. Особо актуальным в контексте существующей политической, правовой и общественной реальности представляется усиление контроля в информационном пространстве. Действие указанной тенденции может быть проиллюстрировано как минимум следующими примерами:

1) ограничение доступа к информационным ресурсам сети Интернет или к конкретным сервисам (платформам), допустившим распространение сведений с нарушением требований национального законодательства.

Наиболее известными платформами, ставшими объектами названного вида контроля, являются *YouTube, Instagram, Discord* и др. Несмотря на тот факт, что причины ограничений в функционировании данных сервисов отличаются в деталях, их роднит факт распространения информации, которая способна быть квалифицирована как вредная или нежелательная в российской реальности.

Примечательно, что сегодня создана широкая нормативная правовая база, которая позволяет законными средствами блокировать нежелательный контент. Например, широкие возможности в этом аспекте предоставляет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (см. ст. 15, 15.1–15.9) [3];

2) разработка и распространение отечественных альтернатив популярных информационных приложений и сервисов, в том числе их условно-добровольное внедрение в практику пользователей.

Особо примечательными в обозначенном отношении являются разработка и распространение отечественного мессенджера *MAX*, который должен выступить альтернативой зарубежным аналогам (*Viber, WhatsApp* и т.д.). В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 25 июля 2024 г. № 1972-р с 1 сентября 2025 г. этот мессенджер обязателен для предустановки на новые мобильные устройства, если

они распространяются на территории Российской Федерации [4]. Такое правило гарантирует, что значительная часть граждан ознакомится с мессенджером, даже при отсутствии намерения перейти к его постоянному использованию. Главное отличие отечественных программных средств от зарубежных аналогов связано с тем, что они доступнее для российских правоохранительных органов в вопросах предоставления информации о планируемых (готовящихся) преступлениях.

Дополнительно отметим, что одновременно с изложенным поддержкой со стороны государства пользуется распространение среди граждан отечественных видеохостингов (*RUTUBE*, *VK Видео*). Подразумевается, что названные сервисы с течением времени смогут в полной мере заменить зарубежные аналоги, хотя в своем современном техническом состоянии значительно им уступают по многим существенным параметрам;

3) совершенствование технической и правовой составляющей имеющейся системы ограничений и запретов, включая заполнение пробелов и уязвимостей, позволяющих «обходить» принятые ограничения.

Названное направление контрольной деятельности органов власти находит непосредственное отражение в разнообразных мерах. Например, еще в 2017 г. в силу ст. 15.6-1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» получил закрепление и последующую реализацию порядок ограничения доступа к копиям («зеркалам») заблокированных сайтов [3].

В аналогичном ключе Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 332-ФЗ были внесены важные изменения в Федеральный закон «О рекламе», в соответствии с которыми запрещена реклама программно-аппаратных средств, позволяющих обеспечить доступ к заблокированным ресурсам (*VPN*) [5; 6];

4) установление запрета на умышленное осуществление поиска и получение доступа к экстремистским материалам (см. ст. 13.53 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [7]). Одно из наиболее новых проявлений характеризуемой широкой тенденции, получившее распространение в российской правовой реальности с 1 сентября 2025 г. [8] и в настоящее время требующее глубокого научного осмысления.

Представляется, что соблюдение этого требования связано с некоторыми трудностями, способными поставить под сомнение результативность указанной вариации контрольной деятельности государства. В частности, важным является то, что полный перечень материалов, которые могут быть отнесены к искомому виду, размещен на официальном сайте Министерства юстиции РФ и включает в себя (по состоянию на сентябрь 2025 г.) 5482 наименования, многие из которых могут быть неочевидными (исходя исключительно из названия). В этой связи может вызывать определенные сомнения то, что существенное количество граждан действительно ознакомится с таким перечнем и станет соотносить с ним интернет-активность.

Перечисленные факты, выступающие наглядной иллюстрацией изменений в политике государства, свидетельствуют одновременно о нескольких фактах:

1) стремление органов публичной власти усилить всесторонний контроль над обществом в имеющихся правовых и общественных условиях проявляется в различных формах;

2) с учетом наблюдающейся динамики возникновения и распространения новых форм контроля необходимо предположить, что обозначенная тенденция в обозримом будущем сохранит действие и будет лишь нарастать;

3) наиболее значимые усилия в рассматриваемом аспекте сосредоточены в сфере контроля за коммуникативной деятельностью субъектов правоотношений, реализуемой с применением современных информационных ресурсов и средств обмена сообщениями (мессенджеры, онлайн-платформы, конкретные сервисы и сайты в сети Интернет);

4) целесообразность всестороннего расширения государственного контроля за информационным пространством находится в прямой зависимости от конкретных геополитических условий существования государства. Гибридная война между Россией и странами коллективного Запада, в которой информация вполне способна выступать в качестве новейшего вида «вооружения», требует от органов публичной власти скоординированных усилий в рассматриваемой сфере при одновременном соблюдении прав и свобод субъектов правоотношений.

2. Оценка тенденции усиления контроля государства над обществом

Для верной оценки исследуемой тенденции необходимо обратить внимание, что в теории тематика контроля органов государственной власти над социумом может рассматриваться одновременно с нескольких позиций.

Во-первых, контроль государства над общественностью в силу специфики их взаимодействия всегда имеет политический характер, обусловлен внутренней и внешней политико-правовой конъюнктурой. По словам В. П. Пугачева, понятия «политический» и «государственный» контроль можно рассматривать в качестве синонимов, так как они взаимосвязаны и во многом совпадают [9, с. 38].

В условиях проведения специальной военной операции и противостояния Российской Федерации странам коллективного Запада в формате гибридной войны представляется закономерным стремление усилить контроль за наиболее уязвимыми сегментами общественной жизни, многие из которых сосредоточены в цифровом пространстве. В настоящее время как никогда важно противостоять попыткам превратить ресурсы сети Интернет в «оружие современной войны». В частности, уже не является секретом тот факт, что на Украине при государственной поддержке самым активным образом развивается система колл-центров, основная цель создания и функционирования которых – совершение мошеннических действий в отношении граждан России, нанесение им ущерба, дестабилизация обстановки внутри Российского государства.

Еще одним показательным примером применения информации «в качестве оружия» может выступать ставшая широко известной в 2022 г. провокация в городе Буча, организованная украинскими националистами и ставившая перед собой задачу дискредитировать российских военнослужащих.

С учетом приведенных примеров становится очевидным, что осуществление регулярного контроля за информационным пространством со стороны государственных органов, реализующих правоохранительные функции, представляется необходимым и оправданным. В числе прочего это утверждение справедливо и в

части государственного контроля за использованием интернет-ресурсов гражданами страны. Происходящие в стране процессы цифровизации вполне закономерно и оправданно влекут за собой качественное расширение контрольной деятельности.

Вместе с тем демократический характер отечественной государственности определяет, что, ужесточая контроль за отдельными сегментами жизни граждан, органы власти не должны допускать ситуаций, в которых вводимые ограничения прав субъектов правоотношений станут непропорциональными, выйдут за грань разумного. Другими словами, должен поддерживаться баланс между интересами государства в обеспечении безопасности и информационными правами граждан и организаций.

Во-вторых, с учетом вышеизложенного, нужно иметь в виду, что показатель «охвата» контроля публичной власти над обществом в области информационных правоотношений может рассматриваться в качестве критерия принадлежности государства к определенному типу режима, а именно:

- для демократии характерно представление сети Интернет как пространства свободы и самовыражения, в котором каждый вправе свободно и беспрепятственно осуществлять поиск, получение, передачу, распространение и производство информации. При этом в условиях демократического отношения к цифровому пространству также могут иметь место факты ограничения в искомой области, но они всегда обусловлены необходимостью защиты конституционных ценностей, прав и свобод участников интернет-коммуникации. Например, запрет распространения экстремистских материалов обусловлен охраной безопасности граждан и государства;

- при авторитарном или тоталитарном режиме государство предпринимает усилия, направленные на создание системы всеобъемлющего информационного контроля – цифровой диктатуры. Например, это может быть выражено в запрете свободного пользования ресурсами сети Интернет (права доступа имеет только небольшая часть граждан – часто представители власти) или в создании системы фильтрации трафика, при которой блокировке и ограничению подвержена любая нежелательная для органов публичной власти информация (единственно верная точка зрения на события всегда санкционирована государством и не может иметь альтернатив). Последнее позволяет манипулировать населением и препятствует развитию критического отношения членов социума к действиям, решениям и в целом к политике органов публичной власти.

Основываясь на изложенном, следует предположить: если мотивы защиты прав и свобод субъектов в пространстве сети Интернет искусственно заменяются на иные (нередко связанные с корыстной мотивацией отдельных лиц), а также в случае, если внедряемые контрольные мероприятия представляются излишними или объективно неэффективными, то это дает возможность заявить о деградации системы цифровой демократии либо о первых шагах к указанному результату.

В-третьих, как справедливо было отмечено отдельными исследователями, включая ранее упомянутого В. П. Пугачева, государственный информационный контроль часто приучает субъектов говорить и думать исключительно в рамках доз-

воленного, мыслить строго определенным образом, в том числе он прививает привычку мыслить в рамках дозволенных государством речевых конструкций и избегать иных [9, с. 48–49]. С учетом указанного следует особенно внимательно отнестись к анализу запрета, установленного ст. 13.53 КоАП РФ (поиск экстремистских материалов).

На наш взгляд, настоящая норма не только трудноисполнима, но и ставит ряд иных сложных вопросов, способных стать объектом для научной дискуссии. Например, вызывает сомнение, что поиск информации, поименованной в списке, размещенном на сайте Министерства юстиции РФ, способен иметь общественно вредные последствия (если рассматривать его изолированно от других действий). Наглядным отражением вышеуказанного довода может служить п. 3556 перечня, который включает в список экстремистских материалов «изображение мальчика, держащего в одной руке палку, в другой – шоколадку, с надписью: «... – шоколадку»» (перечень по состоянию на 3 октября 2025 г.). Полагаем справедливым и оправданным задать риторический вопрос о том, какую опасность для социума может иметь поиск такого рода изображения? Схожим образом можно оценивать и иные пункты крайне широкого перечня.

Оценивая содержание анализируемого перечня, можно предположить, что один и тот же поисковый запрос (к примеру, «как появилась жизнь?» – см. п. 3565 перечня по состоянию на 3 октября 2025 г.) способен рассматриваться и как законное действие, и как правонарушение. В обозначенной ситуации ключевым критерием верной квалификации деяния как правонарушения будет являться субъективная сторона правонарушения в форме умысла на поиск заведомо экстремистских материалов. Тем не менее неясно, как правоприменитель должен осуществить проверку факта наличия либо отсутствия умысла, исходя из поискового запроса. Как минимум, в каждом конкретном деле будет требоваться комплексная оценка личности правонарушителя.

В свою очередь, если принять за истину тот факт, что действия конкретного субъекта, направленные на поиск некоторой информации, сами по себе являются экстремистскими, то вместе с этим нельзя не усомниться в возможности пресечь незаконное действие правонарушителя-экстремиста, часто глубоко убежденного в собственном миропонимании, штрафом в размере от 3 до 5 тыс. руб. Такие обстоятельства способны свидетельствовать о неэффективности и избыточности рассматриваемого запрета.

Более результативной нам видится система, в которой поиск запрещенной (экстремистской) информации, вместо наложения штрафа, будет приводить к тому, что органы публичной власти будут вправе взять под особый контроль указанного субъекта, выбрав на базе личностных особенностей лица наиболее подходящую модель взаимодействия с ним. Например, если речь идет о несовершеннолетнем, представляется необходимым проведение с ним просветительской беседы, цель которой будет заключаться в профилактике возможного формирования у такого лица экстремистской (антисоциальной) направленности личности.

Одновременно с вышеизложенным необходимо принять во внимание, что поиск материалов, отнесенных к числу экстремистских, может быть обусловлен не

только установкой лица на совершение правонарушения, но и учебными или исследовательскими целями. Данное обстоятельство никак не отражено в тексте правовой нормы, что является значительным недостатком.

Более того, любая информация в каждом конкретном случае подвергается субъективной оценке, а значит, нельзя исключать возникновения такой ситуации, в которой ознакомление с тем или иным информационным материалом не только не станет причиной формирования у лица экстремистских паттернов поведения, но и вызовет отторжение к проявлениям подобной модели коммуникации субъекта с государством и обществом. Иными словами, невозможно предугадать, к каким умозаключениям на основе одной и той же информации придет каждый участник общественных отношений. Так как в описанных условиях оценке подвергаются внутренние процессы формирования у личности конкретных убеждений, на наш взгляд, для разрешения спора надлежит применить п. 1 ст. 29 Конституции РФ, в которой закрепляются гарантии свободы мысли.

Совокупность приведенных доводов, в сочетании с тем, что ст. 13.53 КоАП РФ входит в определенное противоречие с п. 1 ст. 29 Конституции РФ, указывает на потребность отметить указанное спорное нововведение. Попытка реализовать контроль не только за деяниями каждого конкретного лица, но и его мыслями (за счет внедрения запрета поиска информации, которая может послужить основой для нежелательных выводов) представляется, на наш взгляд, сомнительной.

В рамках приведенной оценки предлагаем также учесть то обстоятельство, что информационные материалы, способные склонить лицо к правонарушению, с большой долей вероятности уже будут ограничены к распространению иными, более эффективными методами, в том числе уже применяемыми на практике.

Заключение

Подводя итоги совокупности вышеизложенного, можно сделать вывод, что в правовой реальности Российской Федерации сегодня присутствует устойчивая тенденция, которая заключается в последовательном усилении государственного контроля над обществом.

Указанная тенденция имеет разнообразные формы внешнего выражения, которые тем не менее преимущественно сосредоточены на контроле активности субъектов в интернет-пространстве. В условиях конфронтации России со странами коллективного Запада коммуникативные технологии воспринимаются как новейшие средства, используемые в борьбе, в то время как информация рассматривается как своеобразное «оружие», которое может применяться для нанесения ущерба противнику. В этих обстоятельствах усиление контроля над обществом представляется объяснимым, оправданным и целесообразным с позиции обеспечения безопасности как государства в целом, так и отдельных граждан и организаций.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание, что рассматриваемый вид контрольной деятельности должен оставаться разумным, пропорциональным и осуществляться при соблюдении прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений.

При общей верной направленности развития юридического регулирования в рассматриваемой сфере общественной коммуникации, нельзя не отметить, что

отдельные проявления характеризуемой общей тенденции могут вызывать определенную долю озабоченности, сомнений. Так, полагаем, что нововведения, интегрированные в российскую правовую действительность ст. 13.53 КоАП РФ, представляются сложными для реализации и малоэффективными. В связи с этим считаем возможным указать на необходимость мониторинга правоприменения и пресечения потенциальных злоупотреблений в процессе привлечения субъектов к ответственности по фактам поиска информации в сети Интернет. В противном случае отсутствие прогноза последствий от внедрения подобного запрета можно рассматривать как один из шагов к деградации отечественной системы цифровой демократии.

Пристатейный библиографический список

1. *Чернобровкина Н. И.* Информационный контроль в России и мире: реальные основания и практики // Гуманитарий Юга России. 2014. № 4.
2. *Иванский В. П., Мельничук Г. В.* Государственный контроль (надзор) – инструмент противодействия угрозам национальной безопасности в информационной сфере или средство защиты неприкосновенности частной жизни: соотношение частного и публичного интересов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. № 1.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
4. Распоряжение Правительства РФ от 25 июля 2024 г. № 1972-р «Об утверждении перечня российских программ для электронных вычислительных машин, которые должны быть предварительно установлены на отдельные виды технически сложных товаров в 2025 году и о признании утратившими силу некоторых распоряжений Правительства РФ» // СЗ РФ. 2024. № 21. Ст. 4678.
5. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
6. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 332-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе»» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4686.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
8. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4635.
9. *Пугачев В. Н.* Государственный контроль и свобода личности в цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022. № 2.

References

1. *Chernobrovkina N. I.* Information Control in Russia and the World: Real Foundations and Practices. *Humanitarian of the South of Russia*, 2014, no. 4. (In Russ.)

2. Ivanskii V. P., Melnichuk G. V. State Control (Supervision) – a Tool for Countering Threats to National Security in the Information Sphere or a Means of Protecting Privacy: The Relationship between Private and Public Interests. *RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences*, 2017, no. 1. (In Russ.)

3. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and the Protection of Information”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 31 (part I), art. 3448. (In Russ.)

4. Order of the Government of the Russian Federation of July 25, 2024 No. 1972-r “On Approval of the List of Russian Programs for Electronic Computers That Must Be Pre-Installed on Certain Types of Technically Complex Goods in 2025 and on Recognizing as Invalid Some Orders of the Government of the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 21, art. 4678. (In Russ.)

5. Federal Law of March 13, 2006 No. 38-FZ “On Advertising”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 12, art. 1232. (In Russ.)

6. Federal Law of July 31, 2025 No. 332-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On Advertising’”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2025, no. 31, art. 4686. (In Russ.)

7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 1, art. 1. (In Russ.)

8. Federal Law of July 31, 2025 No. 281-FZ “On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Federal Law ‘On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses’”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2025, no. 31, art. 4635. (In Russ.)

9. Pugachev V. N. State Control and Personal Freedom in a Digital Society. *Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (State and Society)*, 2022, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Д. Саттаров – кандидат юридических наук.

Information about author:

V. D. Sattarov – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 07.10.2025; approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 20.03.2026.